

ФОНЕТИКА ЛАТГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В силу определённых исторических обстоятельств сегодня в наиболее полном и наименее испорченном виде латгальский язык сохранился в северной части Латгалии. Каких-то полторы сотни лет назад латгальский язык был ещё более чем жив на всей территории Латвии. Но его существование не было предусмотрено концепцией латышского государства. Поэтому латышские лингвисты, для начала, его просто игнорировали в своей исследовательской деятельности.

Характерный пример – известные в балтистике очерки наречий Латвии, созданные одним из крёстных отцов латышского новояза, Я.Эндзелином¹ и опубликованные в Вестнике Филологического общества (*Filologu biedrības raksti*) в 1929 -1940 г.г. Я.Эндзелин был одним из самых эрудированных лингвистов своего времени. Данная научная публикация призвана внушать уважение - как серьёзный научный труд, содержащий многие сотни страниц задокументированных языковых фактов, которые сегодня тем ценнее, поскольку стали историей. Это, возможно, действительно так, но – лишь в той части, которая касается латышских говоров Курляндии и Лифляндии (Видземе)². Но, вот, латгальских говоров (хотя, по территории Латгалия - чуть не половина Латвии) там – раз-два и обчёлся. А те, которые есть, содержат описание второстепенных языковых явлений, не выходящих за рамки латышского языка. Оказывается, как раз, латгальский язык в Латгалии Эндзелину ... не попался. Как такое возможно, если даже сегодня, после ста лет интенсивного облагашивания, там всё ещё можно услышать живую латгальскую речь, во всём отличную от латышской?

Если даже допустить, что в тех сёлах, куда Эндзелин заезжал, люди говорили только так, как он записал, то почему он не заехал туда, где говорят иначе? У него что – керосин в “Студебекере” закончился? Или кобыла издохла на полпути к городку Марьенгауз (Виляка), сёлам Балтинава, Вацуми, Жигури и др., где народную речь уж никак нельзя перепутать с латышской? Увы, факт сокрытия и подтасовки научных фактов в данном исследовании, что называется, налицо. Как такое согласуется со статусом учёного? Ведь даже в их Библии сказано: “Не лжесвидетельствуй!” Сегодня ситуация не изменилась.

Таким образом, латышские лингвисты целое столетие вводят в заблуждение балтистов и индоевропейцев всего мира, представляя им заведомо ложные сведения о живущих в Прибалтике народах и их языках. В результате ошибочными *a priori* становятся любые научные выводы зарубежных лингвистов, опирающихся на ложные данные латвийских и литовских языковедов. А современные английские, французские, немецкие и др. энциклопедии, которые по данным вопросам ссылаются на Я.Эндзелина и его последователей, тем самым, из научных изданий превращаются в сборники базарных сплетен.

Среди главных ошибочных гипотез, навязываемых мировой общественности этими западными источниками – утверждение, будто на сегодняшний день в мире остались только 2 живых балтских языка – литовский и латышский; будто народы западных балтов вымерли; будто латыши и латгалы – это одно и то же; будто латгалов как народа, и их латгальского языка больше не существует и др. Немецким, английским, французским, итальянским энциклопедистам, лексикографам, индоевропейцам всех стран нелишним будет знать, что всё это – ложь! Латышско-литовские лингвисты им просто наврали! И мы их поздравляем наврамами! А Британская энциклопедия, французский Тезаурус и прочие источники, претендующие на научную солидность, но напечатавшие такую информацию, выставили себя в невежественном свете. Поскольку факты свидетельствуют об обратном.

Латгальский язык, который относится к западнобалтской подгруппе балтийских языков индоевропейской семьи, до сих пор функционирует в полном объёме и используется как в Латвии, так и за её пределами. Латгальский язык, даже несмотря на то, что бóльшая часть его лексического материала за истекшее столетие уже украдена латышскими лексикографами для нужд латышского языка, до сих пор сохранил много специфической лексики, архаичные морфологические формы, своеобразные синтаксические обороты и, пожалуй, самое главное - уникальную латгальскую фонетику, не имеющую аналогов ни в русском, ни, тем более, в

¹ Ян Эндзелин, 1873-1961, доктор филологии, академик. Известный российский, латвийский и европейский лингвист, родившийся в Лифляндской губернии. Исследователь балтийских языков. Признанный специалист по сравнительному и историческому языкознанию, знаток еврейского, Санскрита и др.

² Зная о подтасовке в данном исследовании фактов латгальского языка, на счёт правдивости остальных очерков тоже, согласитесь, возникают сомнения.

литовском-латышском. Если к вышесказанному добавить огромное количество общей с Санскритом лексики, то становится очевидным, что латгальский - это древняя форма индоевропейского языка, возможно, самая древняя из ныне живых ИЕ языков, во всяком случае, европейских, и по этой причине достойна, как минимум, сохранения и тщательного изучения, поскольку представляет собой общецивилизационную ценность и достояние. Но о латгальском языке мир ни чего не знает! И – немудрено! Потому, что у латгальского языка до сих пор нет своего алфавита и письменности.

Тем нелатышам и латышам, которые считают, что они “в теме”, поскольку что-то слышали о латгалах, необходимо усвоить одну истину, которую тщательно скрывает латышская пропаганда и латышская лингвистика, творя обман. Она заключается в следующем. Существует некая “латгальская письменность” или “письменность латгальского наречия”, про которую официальная балтистика вам говорит: “Вот - латгальская письменность; вот, есть записанные при помощи этой письменности образцы латгальской речи – от евангелиев *"Evangelia toto anno..."* 1753 года до сочинений современных латгальских литераторов. Извольте читать и собственноручно убедиться, что в латгальском нет никакого своеобразия, которое бы принципиально отличало его от латышского.”

Это - их традиционная уловка. На самом деле ни эта их письменность, ни составленные на ней якобы латгальские тексты не имеют ни чего общего с настоящим латгальским языком. Именно это и есть тот принципиальный вопрос, который скрывает официальная балтистика. Та стилизованная под латгальский говор разновидность латышского языка, которая сегодня официальной пропагандой преподносится как “латгальский письменный” или “латгальский литературный язык” – не есть латгальский язык! Его создавали не латгалы. Им не пользуется никто, кроме сотни купленных латышскими властями филологов и литераторов, которые редактируют интернетсайт, пытаются проводить курсы этого псевдолатгальского новояза и время от времени издают какие-то книжки, которые сами только и читают! Это – фикция, поддерживаемая латышскими властями с целью недопущения возрождения настоящего латгальского языка.

Самый большой вред для живого латгальского языка создатели “латгальской письменности” принесли искажением латгальской фонетики, искусственно и злонамеренно сократив латгальский алфавит на половину. Для того, чтобы полноценно записать латгальскую речь, требуются, по меньшей мере, 18 гласных и 35 согласных (включая мягкие) букв. Каждая из этих фонем в определённых ситуациях меняет семантику того или иного слова, поэтому не может быть выброшена без ущерба для языка и письменности. Творцы латгальского новояза сочли, что с латгалов будет довольно 9 гласных и 24 согласных. Разницу каждый может высчитать сам.

Что можно записать при помощи такого алфавита, в котором не хватает половины буквенных знаков? Не нужно быть филологом, чтобы понять, что каждый второй звук латгальской речи, записываемый сегодня при помощи разрешённого латвийскими властями “латгальского” (тот же примитивный латинско-латышский) алфавита, записан неправильно. Огромное количество латгальской лексики по этой причине невозможно записать, поэтому пишущие вынуждены её вовсе игнорировать и заменять на исковерканные латышские словоформы. Возможно ли придумать более эффективный способ убийства древнего языка и насаждения вместо него отдалённо похожего на него примитивного новояза? Убийством языка достигается убийство народа.

В данной работе впервые в новейшей истории латгалов И.Валерьян предпринял попытку описать латгальскую фонетику с позиций самостоятельного языка в полном её объёме и предложил версию первого полного алфавита латгальского языка.

Официальная балтистика умалчивает ряд принципиальных фонетических особенностей латгальского языка, выделяющих его среди остальных ИЕ языков и расширяющих наше представление о звукоряде ИЕ языковой семьи. Есть основание полагать, что это делается злонамеренно, поскольку данные особенности не только свидетельствуют об архаичности латгальского языка, но фактом своего существования опровергают фонетические законы младограмматиков и другие лживые догмы современной евроцентристской индоевропеистики.

Прежде всего, речь идёт о “родимом пятне” латгалов – их “ломаной” интонации, от которой латгалу невозможно избавиться без специальной тренировки, а нелатгалу её невозможно освоить даже при помощи специальной тренировки. Дело в том, что к дифференциальным признакам фонем, играющим смыслоразличительную роль, принято относить краткость-долготу

(чешский, латышский, литовский, латгальский, английский, немецкий, латынь и др.), огубленность или лабиализацию (немецкий, шведский и др.), назализацию (французский и др.) и т.п., но интонацию фонем индоевропейистика в этот список включает неохотно. Считается, что в западноевропейских языках ломаная интонация встречается крайне редко, а в тех, где эта грамматическая категория различима (например, сербохорватских, балтских), она якобы не наделена смыслоразличительной нагрузкой, поэтому акцентировать её нет надобности. Но это неверно даже относительно латышского новояза, при создании которого перенимаемая из латгальского смыслообразовательная функция интонации искоренялась целенаправленно. Например, в латышском субстантивы [zāle] “зал” и [zāle] “травы”, обстоятельства [tā, kā] “так, как” и местоимения [tā, kā] “того, кого” тоже до сих пор можно различить только по интонации. В латгальском же языке, откуда в латышский перекачевали приведённые примеры, при помощи интонации смысл разграничивается повсеместно.

Другая существенная особенность латгальской фонетики заключается в том, что тут смыслообразовательной функцией обладает не только категории краткости/долготы и интонации, но также “рядовость” гласных и лабиализация.

С тем, что краткая [u, i], например, отличается от долгой [ū, ī], и что за счёт этих различий создаётся новый смысл лексемы, все согласны и разграничивают эти звуки различными буквенными знаками. А то, что краткая переднего ряда [u, i] от такой же краткой [u, i] среднего ряда, также, как длинная [ū, ī] переднего ряда от такой же длинной [ū, ī] среднего ряда может отличаться в той же степени, латышские лингвисты слышать не желают. Между тем, в латгальском языке такие звуки не только разграничиваются, но и обладают смыслоразличительной функцией. Соединение этих двух категорий теоретически дают уже четыре варианта одной и той же фонемы: передняя краткая, передняя долгая, средняя краткая, средняя долгая. А теперь добавим, что каждый из этих вариантов фонемы может быть произнесён с одной из трёх смысло-образующих интонаций! Таким образом, теоретически в латгальском возможны 12 вариантов одного и того же гласного звука.

На практике используются, конечно, не все. Тем не менее, на “стыке” этих трёх категорий³ в латгальском языке образуется ряд уникальных гласных, отсутствующих в латышском и литовском, а также в окружающих славянских языках, и обладающих при этом, смыслообразовательной функцией. Официальная латышская лингвистика до сих пор даже не попыталась дефинировать их, определить качественный состав и место этих латгальских фонем в звукоряде ИЕ гласных, а предпочла делать вид, будто их нет, чем вводила в заблуждение мировое лингвистическое сообщество. И.Валерьян предпринял попытку описать эти звуки и предложил для них буквенные обозначения.

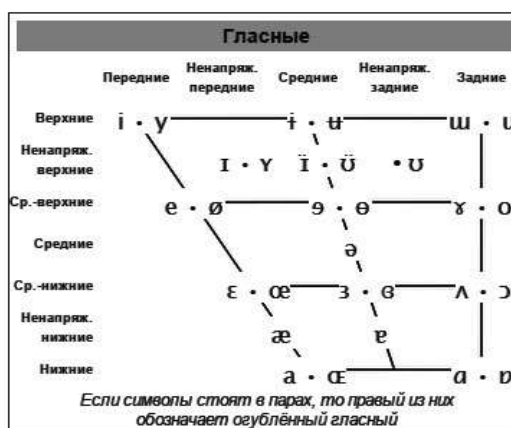
Для того, чтобы латгальский язык можно было записать полноценно, необходимы следующие 18 гласных: **a, ā, e, ē, o, ō, u, i, ī, u, ū, ī, ie, ie, uo, ūo**, каждая из которых не только имеет свой уникальный фонетический облик, но и выполняет семантическую функцию.

Буквы без дополнительных диакритических знаков обозначают обычные общеиндоевропейские краткие звуки [a, e, i, u, o]; буквами с волнистым знаком долготы [ā, ō] обозначены обычные для Санскрита, латыни, чешского, латышского и др. языков долгие звуки, обозначаемые в международной фонетической транскрипции знаком [a:, o:], а буквы с ровным знаком долготы [ā, ē, ī, ū] в данном случае обозначают уникальные латгальские долгие звуки, произносимые со специфической “ломанной” интонацией, когда долгий звук обрывается внезапно путём резкой блокировки проходящего воздуха в гортани, т.е., [â, ê, î, û]⁴. Буквой [i] обозначен звук переднего ряда, а знаком [ū] – звук, произносимый губами, вытянутыми вперёд “в трубочку”. Наконец, четыре буквенных знака, которые написаны как дифтонги [ie, ie, uo, ūo], хотя на самом деле обозначают специфические единичные звуки, для которых пока в латгальском нет отдельных буквенных знаков. Автор поясняет, что выбрал такие обозначения по двум причинам. Во-первых, чтобы записывать латгальскую речь на существующей латышской клавиатуре компьютера. Во-вторых, потому, что эти латгальские звуки отдалённо

³ На самом деле речь идёт, как видим, о четырёх грамматических категориях, но в данной работе автор под “рядовостью” подразумевает не только заднее, среднее и переднее положение тела языка при произношении различных вариантов латгальского звука [i], но по аналогии с ним - и различные положения губ при артикуляции звука [u], их тоже образно называя “средними” и “передними”, поскольку та форма звука [u], которая произносится путем вытягивания губ вперёд, «в трубочку», тоже в какой-то степени может быть названа “более передней”. Хотя на самом деле относится к понятию лабиализации.

⁴ На самом деле, “ломаная” [ê] здесь приведена чисто теоретически. Также, как и в Санскрите, в латгальском, долгая фонема [e] не предусмотрена. В современном латгальском она появилась потому, что латгалам как-то надо выговорить перенимаемые лётонизмы. Но используется только с “растянутой” интонацией [ê] и воспринимается во всех отношениях как чужеродный элемент.

напоминают литовско-латышские дифтонги [ie, uo]. Только в восточно-балтских языках каждая часть дифтонга произносится чётко раздельно, например, *dī-ena* -“день”, *gu-ods* “честь”, а в латгальском обе части сливаются вместе и образуют некий третий звук, который правильнее было бы обозначать как: [i[°], i[°]] и [u[°], u[°]], поскольку вторая часть латгальского гласного не является самостоятельной, а лишь указывает на его ряд. Эти латгальские долгие гласные наиболее точно соответствуют фонемам, обозначаемым в международном фонетическом алфавите (МФА, см.рис.) знаками [i] и [u].

Аналогичная картина наблюдается с латгальскими дифтонгами: если в латышском новоязе его сочинители оставили только 9 дифтонгов, то латгалы для выражения форм и звуков своего языка используют 21 дифтонг. При том, что в латгальском языке отсутствуют два традиционных литовско-латышских дифтонга *ie* и *uo* (*uo*). Зато, кроме общих с латышами *ai*, *au*, *ui*, *ei*, *eu*, *iu*, *oi*, латгалы в своей речи используют ещё 14 особых дифтонгов, которых создатели латышского языка в него не включили. А некоторые из них являются уникальными даже в границах всей ИЕ семьи.

Во-первых, шесть названных дифтонгов (кроме *oi*) в латгальском, в отличие от латышского, имеют ровно столько же смыслообразующих форм, произносимых с “ломаной” интонацией: *aī*, *aū*, *uī*, *eī*, *eū*, *iū*, (*aī*, *aū*, *uī*, *eī*, *eū*, *iū*). Например, в словосочетаниях *laižu raišu* ‘еду верхом’, *kaijas lauks* ‘поле брани’, *puīgs vuicās* ‘мальчик учится’, *geīšs geida* ‘петух ждёт’ и др. видно, что обе лексемы содержат в корне один и тот же дифтонг, но за счёт того, что в первом слове он произносится с “ломаной”, а во втором – с “падающей” интонацией, в живой латгальской речи они звучат как совершенно разные фонемы.

Следующие две пары латгальских дифтонгов - *ou*, например, *jouks* ‘будет мешать’, и соответственно *oū*, например, *joūks* ‘приятный’, а также характерные в основном для говоров южной Латгалии дифтонги *yu* и *yū*, наблюдаемые, например, в словосочетании *myūsu cyuka* ‘наша свинья’.

Наконец в латгальском присутствуют четыре дифтонга, совершенно непривычные для восточнобалтских языков, но понятные с точки зрения славянских языков: *īī* и *īū*; *uū* и *uū̄*. Латышу вообще трудно понять их фонетический состав. Для носителя русского имеется подсказка - аналог, облегчающий понимание – дифтонг с *й*-кратким: латгальский *īī* произносится приблизительно так, как русский *ий* в слове “вий”. Если попробовать звук *й* резко “обломать”, то получится латгальская фонема *ī̄*. Далее, если по аналогии с *й* представить несуществующую в русском *ÿ*-краткую в составе дифтонга *yÿ*, а затем попытаться произнести её с резким обрывом звука, то получатся примерно те же фонемы, которые в латгальском обозначены буквенными знаками *uū* и *uū̄*. Приводимые автором примеры использования этих дифтонгов, кроме прочего, в очередной раз иллюстрируют смыслообразовательную функцию “ломаной” интонации – если её игнорировать, то следующие пары омонимов будут неразличимы: *triīs* ‘трясётся’ и *triīs* ‘три’; *dziūt* ‘гнать (прочь) и *dziūt* ‘заживать (о ране)’ и др.

Консонантный ряд латгальского языка содержит, в принципе, те же согласные звуки, что и латышский, русский и остальные балтославянские языки. Разве что в латышском языке его авторами оставлены всего 4 “мягких” звука (*ļ*, *ņ*, *ķ*, *ģ*), а в латгальском с той или иной степенью палатализации может произноситься любой согласный звук, и палатализация является смыслоразличительной категорией. Поэтому так же, как в русском, там требуется отдельный мягкий знак, в качестве которого автор предлагает использовать буквенные знаки *i* и *j*, поскольку они уже используются в фонетической транскрипции. Правда, речь в основном идёт именно о палатализации как о частичном “смягчении” звука. Потому что по настоящему мягкими, как это делают латыши, латгалы произносят только два звука - *ļ* и *ņ*. А типично восточно-балтские, литовско-латышские звуки *ķ* и *ģ* латгал не может выговорить даже под пыткой (также, как латыш не способен правильно произнести большинство латгальских гласных).

Таким образом, у И.Валерьяна получился латгальский алфавит, состоящий из 40 букв – 18 гласных и 22 согласных: *Aa, Āā, Āā, Bb, Cc, Čč, Dd, Ee, Ēē, Ff, Gg, Hh, Ii, Īī, Īī, I'ī', I'ī', Jj, Kk, Ll, Lļ, Mm, Nn, Ņņ, Oo, Ōō, Pp, Rr, Ss, Šš, Tt, Yy, Uu, Ūū, Ūū, U°u°, Ū°ū°, Vv, Zz, Žž*, и знака палатализации двух видов *i*, *j*.

Автор подчёркивает, что не считает эту версию алфавита ни окончательной, ни идеальной, и призывает латгалов, особенно – латышских и русских филологов латгальского происхождения, для которых латгальский язык – родной, опробовать её на практике, чтобы совместными усилиями выработать оптимальный вариант латгальского алфавита.

Для удобства практического использования алфавит может и очевидно должен быть упрощён. В частности, автор сам предлагает, как вариант, из-за отсутствия в латышском алфавите (и соответственно – на латышской клавиатуре) германских умляутов⁵ упростить написание латгальских дифтоногов **ïï** и **uü**, выбивая вместо них на клавиатуре две одинаковые буквы - **ii** и **uu**, подразумевая при этом, естественно, фонемы **ïï** и **uü**.

Буквенные знаки могут быть придуманы, какие угодно. Но недопустимо, чтобы вместе с изменяемой или сокращаемой буквой алфавита утрачивалась возможность различать реально существующую в латгальском языке фонему.

⁵ Умляут или умла́ут (нем. *Umlaut* — «перегласовка») — диакритический знак, указывающий на фонетическое явление умлаута гласных звуков в немецком и некоторых других языках. Изображается в виде двух точек над буквой, в готическом же шрифте традиционно выглядел как маленькая надстрочная буква e. В немецком присутствует в таких буквах, как Ää, Öö и Üü, называемых «А-умляут», «О-умляут» и «U-умляут», соответственно.